

Российский государственный гуманитарный университет

Центр типологии и семиотики фольклора

IV Международная научная конференция

Демонология

КАК СЕМИОТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Москва, РГГУ

15–17 июня 2016 г.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Москва 2016

УДК 398 (08)

ББК 82.3(0)

Д31

При поддержке Российского научного фонда
проект № 14-18-00590

«Тексты и практики фольклора как модель культурной
традиции: сравнительно-типологическое исследование»

Составители и редакторы *Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова*

Д31 Демонология как семиотическая система. Тезисы докладов IV международной научной конференции. Москва, РГГУ, 15–17 июня 2016 г. / Сост. и ред. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. М., 2016. – 164 с.

Демонологические представления являются важнейшей частью актуальной мифологии – практически повсеместно и вплоть до нашего времени. Значительное место они занимают в пространстве европейской культуры разных эпох на всех ее уровнях – богословской мысли, церковно-учительной практики, «народного христианства».

Цель конференции – исследование демонологии как семиотической системы, функционирующей в устной традиции, книжности и иконографии, массовой культуре и постфольклоре.

В рамках конференции рассматриваются следующие проблемы: демонологические образы и представления в актуальной мифологии, фольклоре и постфольклоре; демонологические темы в ритуалах и ритуализованном поведении; демонологические сюжеты в книжности и визуальной традиции, с особым интересом к взаимодействию языков изображения и письменного повествования; взаимоотношение и взаимовлияние церковной («ученой», «книжной») и народной демонологии в разнообразных вернакулярных теориях и практиках; представления об одержимости и связанные с ними практики; вера в колдовство: общие модели и локальные контексты; демонологические модели в политико-идеологическом дискурсе и визуальной пропаганде; демонизация «другого»: функции, риторика, социальные контексты.

УДК 398 (08)

ББК 82.3 (0)

Д31

© Коллектив авторов, 2016

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2016

Не-человек в любой своей ипостаси выносит на поверхность скрытые желания и страхи человека, с их появлением мифологизируется картина мира и сам человек [Софронова 2000: 30]. Встреча с нечистой силой – это проверка веры человека, за оппозицией «человек – не-человек» в быличках староверов Латгалии ясно просматривается оппозиция «крестная сила – нечистая сила». Задача человека – распознать, несмотря на невидимость, размытость, неопределенность, нечистую силу и оградить себя от опасности верой: *верить надо, большая вера надо: хрес всему человеку ограда.*

Литература

- Барановский, Поташенко 2005 – *Барановский В., Поташенко Г.* Староверие Балтии и Польши. Краткий исторический и биографический словарь. Вильнюс, 2005.
- Померанцева 1975 – *Померанцева Э.В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.
- Миф 2000 – Миф в культуре: человек не-человек. М., 2000.
- Софронова 2000 – *Софронова Л.А.* О мифопоэтическом значении оппозиции человек/не-человек // Миф в культуре: человек не-человек. М., 2000.

С.Ю. Королёва, Т.Г. Голева
(ПГНИУ, ПНЦ УрО РАН, Пермь)

Леший и мертвец в мифоритуальной традиции Северного Прикамья¹

Исследователи славянской мифологии указывают на высокую роль умерших в народных представлениях. Так, одним из распространенных способов появления мифологических существ считается их происхождение из душ умерших людей. Изучение связей между т.н. «заложными» покойниками и демонологическими персонажами, начатое Д.К. Зелениным, продолжено в работах современных исследователей (С.М. Толстая, Л.Н. Виноградова, Е.Л. Левкиевская, О.А. Седакова и др.). Анализ славянского материала показал, что для ряда мифологических существ подобный генезис очевиден, но иногда связь проявляется менее отчетливо.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ 15-14-59003 «Похоронно-поминальный фольклор Прикамья в системе русской традиционной культуры».

К числу персонажей, чье происхождение не столь однозначно возводится к миру мертвых, Л.Н. Виноградова относит духов-«хозяев» природных объектов, в частности, лешего. Записи текстов, где бы говорилось о возникновении этого духа из души «нечистого» покойника, сравнительно немногочисленны; в русской традиции связь лешего с миром мертвых чаще носит косвенный характер. Она вырисовывается более отчетливо, если учитывать совокупность соответствующих мотивов. Ценным с этой точки зрения материалом представляются мифологические рассказы, зафиксированные на территории Северного Прикамья, в зоне русско-коми-пермяцких контактов (часть из них собрана авторами самостоятельно и в составе экспедиций под рук. Е.М. Четиной, А.В. Черных, И.А. Подюкова). Очертим круг сюжетов и мотивов, имеющих отношение к теме.

Известно, что леший способен принимать облик любого человека, в том числе умершего; это сближает его с такими демонологическими персонажами, как чёрт, бес, нечистый. В устной традиции Северного Прикамья они приходят к тоскующим членам семьи под видом отсутствующего/покойного родственника. Однако в некоторых рассказах это делает леший: *У одного так брат умер. Схоронил он его, да всё думает о брате-то. А леший пришёл, как этот человек. Как брат. И так его замучил, чуть не угробил его леший-то!* (русск., чердынск.). Подобные варианты нередко встречаются в северорусской фольклорной традиции.

О соотношении лешего и мертвеца косвенно могут говорить некоторые мотивы, связанные с внешностью: принимая антропоморфный образ, леший бывает одет в длинную белую холщевую рубаху (ср. саван); в мифологических рассказах о пропаже ребенка, проклятого матерью, вернувшиеся дети рассказывают, что их «водил старичок», седой, с бородой. Иногда его называют *дедушкой*, *дедом* (в славянской традиции наименование *дед* маркирует связь именуемого предмета/мифологического существа с миром умерших, предков): *Хлебушко на пень положили: «На, дедушко лесной, поешь. Отпусти нас домой, найди нам дорогу»* (русск., соликамск.).

На связь лешего и мертвеца может указывать их изофункциональность. Так, широко известна способность умерших насылать болезнь за непроведение положенных поминальных обедов; у коми-пермяков такое наказание называется *мыжа*, русские-юрлинцы используют выражение *родители мают*. Однако болезнь может насылать и леший за нарушение «лесного этикета»: *Тётка моя в Строинах ягоды собирала. Там в Строин-яме она воду выпила. <...> Она бо-*

леть начала. <...> Потом она туда пришла, принесла вино и пироги, рыбный пирог, видимо, там оставила (коми-перм., косинск.).

Леший и умерший родственник одинаково способны «запирать» в лесу скотину. У гайнских коми-пермяков совпадение функций прямо отрефлексировано локальной традицией: хозяину животного нужно определить, кто это сделал, чтоб понять, кому и как делать «обед» (для лешего нужно нести еду в лес, для *родителей* – отдать пищу «попу» (местной женщине-старообрядке, которая молится за умерших) или провести поминки дома): *Ну, вы идёте к попу, если ничё не получится, пойдёте в лес. Выбирай одно из двух <...> Они только у них худые, телята-то, они [умершие] не кормят. А этот [леший] кормит.*

Лесного «хозяина» и умерших сближает способ коммуникации с миром людей: он осуществляется с помощью ритуальной еды, обычно поминальной (блины, рыбный пирог, хлеб, яйцо и др.). Еду относит в лес пастух, «знающий», хозяин потерявшейся скотины, родственники пропавшего человека. Ритуально-магические практики, направленные на контакт с лесными «хозяевами» и различными категориями умерших, широко известны и фиксировались многократно; ранние примеры содержатся в Олонецком рукописном сборнике заговоров (вторая четверть XVII в.), аналоги обнаруживаются и в более поздних ритуалах (у русских Водлозерья, белозёрских вепсов и др.). Распространены они и в Северном Прикамье. Иногда приношение в лес еды воспринимается буквально как поминки по лешему: *«Кто-де моего барана спрятал, я-де иду на горку, помяну горячим хлебом. Дядю Сеню помяну». Не успела сказать – стоит баран на горе, из лесу вышел. Дядя Сеня – это у нас так лешего зовут. А хлебом горячим всегда поминают, над паром-то это лучше доходит* (коми-перм., кочёвск.).

В единичных записях говорится, что вместе с лешим в лесу могут поминать умерших родственников: *Состряпать, идти в лес, найти пень, на пень положить. Тут надо молиться. <...> И леснова тут поминаешь: «Что ты лесной батюшко, если ты прятал корову, давай пусти, давай с нами сиди ешь, мы тебе оставим». <...> И покойников тут поминаешь: «Если покойники что делали, тоже пустите»* (коми-перм., кочёвск.). Зафиксирована и обратная ситуация, когда для возвращения скотины на домашних поминках вместе с умершими, похороненными на старинных и/или заброшенных кладбищах, упоминается *Световласей батюшко-тэ лесной* (св. Власий, перенявший часть функций «хозяина» леса).

Если скотина не возвращается, это находит мифологическое объяснение. От «знающей», которая пишет «письма» лешему, записан рассказ, что иногда он

снится и объясняет, почему не вернет пропавшее животное; одна из причин заключалась в том, что незадолго до этого хозяева *плохо помянули* своего умершего родственника (русск., юрлинск.).

В связи с умершими может актуализироваться одна из типичных функций лешего: он начинает «водить» человека. В прикамских материалах это объясняется нарушением запрета думать о покойных в лесу: *И закрутил он [леший] нас. Это всё мужик мой, он умер как раз тогда. Мы шли, про него говорили. Пошли обратно – деревья гнутся до полу, ветер задул, хоть куды девайся* (русск., чердынск.). Способностью «водить» человека наделяются и умершие; это может произойти из-за нарушений поминального обряда: *А была как раз Радольница <...>. А хозяин тогда год-другой только как умер. И я не пошла на могильник, дождь шёл да. Пошла по пистики. И потерялась там. <...> «Ты, Василий, зачем меня так делаешь? Я не пошла, да дома помянула ведь. Дай мне дорогу»* (коми-перм., кудымкарск.). Как и в случае с лешим, вернуться помогает вывернутая одежда.

Известен мотив, когда лешему достается душа самоубийцы; встречается он и в прикамских записях: *Кто в воде утонет, кто убивается, их де на цепи держат. Они, мол, лесному идут* (кудымкарск.). В единичном тексте леший в виде сидящего на пне маленького старого мужичка предотвращает самоубийство, прогоняя желавшую повеситься женщину (русск., юрлинск.).

Он обладает властью над теми, кто имел с ним дело: не дает взять из леса тело умершего колдуна; поднимает ветер на кладбище, где хоронят мужика, который с ним «знался». Примечательна сама власть лешего, распространяющаяся на пространство кладбища, особенно лесного: *Мы на тракторе через кладбище проехали, пахали. <...> Видимо, могилку или две там задели плугом, сверху снесли. Зашли, трактор заглох. <...> Потом слышали, надо папирску лешему зажечь на пень* (кудымкарск.). Сходные мотивы зафиксированы у старообрядцев Литвы. Возможно, привлечение более широкого материала позволит сделать дополнительные наблюдения и выводы.

Научное издание

**Демонология
как семиотическая система**

Тезисы докладов IV Международной научной конференции

Составители и редакторы:
Антонов Дмитрий Игоревич
Христофорова Ольга Борисовна